

2

Кубанский Курьеръ

Среда 2-го Июля 1914 года.

№ 1682

ИЗЪ ЖИЗНИ ЧЕХОВА.

Въ 1910 г. вышелъ сборникъ воспоминаний и статей подъ общимъ названіемъ «О Чеховѣ». Цѣлый рядъ писателей: Горькій, Бунинъ, Федоровъ, Короленко, Кузринъ, Елпатинскій и другіе даютъ любопытные штрихи изъ жизни А. П. Чехова. Беремъ изъ нихъ—наиболѣе ярко иллюстрирующіе великаго писателя:

Однажды Чехову сказали: — Скоро, Антонъ Павловичъ, юбилей Вашъ будемъ праздновать.

— Знаю я эти юбилеи,—отвѣтилъ Чеховъ,—бравить человека двадцать пять лѣтъ на всѣ корки, а потомъ дарить ему гусиное перо изъ алюминія и цѣлый день несутъ надъ нимъ, со слезами и поцѣлуями, восторженную ахисию.

— Читали, Антонъ Павловичъ, что о Васъ пишутъ?—спросила Чехова.

— Покорно Васъ благодарю,—сказалъ онъ,—написать о комъ-нибудь тысячу строкъ, а внизу прибавить: а то вотъ есть есть писатель Чеховъ-нытикъ.

Обычно всегда спокойный, Чеховъ только однажды возмущился характеристикой его таланта въ одной книгѣ, гдѣ говорилось о «равнодушіи» Чехова къ вопросамъ нравственности и общественности и о его мнимомъ пессимизмѣ. Его волненіе сказало только въ двухъ сурово сданныхъ словахъ: форменный ядѣтъ.

Однажды изъ Петербурга, въ редакцію «Осколковъ» пришелъ А. П. Чеховъ; здѣсь Лейкинъ похвастался передъ Чеховымъ прекраснымъ разказомъ, присланнымъ въ «Осколки» неизвѣстнымъ еще начинающимъ авторомъ, въ Царскаго Села Чеховъ захотѣлъ прочитать рукопись. Оказалось, что это былъ просто ва-просто одинъ изъ его (не чеховскихъ) собственныхъ очерковъ, старательно переписанный съ печатнаго и подписанный невидомой фамиліей.

Осенью Чеховъ, возвращавшійся изъ Москвы, только что пріѣхавъ на пароходъ изъ Севастополя въ Ялту и еще не успѣвъ сойти съ палубы. На пароходѣ происходила суматоха. Въ это время татарскіе носильщики, всегда услуживавшіе

Чехову и увидѣвшій его издали, забрался на пароходъ, разыскавъ въ щели А. П. и уже готовился нести визитъ, какъ на него налетѣлъ свирѣпый помощникъ капитана и не пристойно ругаясь, ударилъ татарина по лицу. Татаринъ бросилъ вещь на палубу, ударилъ себя въ грудь кулакомъ и закричалъ на всю пристань: — Что ты бьешься! Ты думаешь, ты меня ударилъ! Ты вотъ кого ударилъ! — и показалъ пальцемъ на Чехова. — Чеховъ весь блѣдный подошелъ къ помощнику капитана и тихо съ необычайнымъ выраженіемъ сказалъ ему: какъ вамъ не стыдно! Морякъ что-то забормоталъ, заматался и вдругъ испарился. Больше его на палубѣ уже не видѣли.

Чрезвычайный интересъ представлялъ, далеко не всемъ извѣстный, текстъ письма, написанный Чеховымъ въ Академію Наукъ съ отказомъ отъ званія почетнаго академика: «Въ Декабрѣ прошлаго года я получилъ извѣщеніе объ избраніи А. М. Пѣшкова въ почетные академики, и я не замедлилъ повѣдаться съ А. М. Пѣшковымъ, который тогда находился въ Крыму, первый принесъ ему извѣстіе объ избраніи и первый поздравилъ его. Затѣмъ, немного погодя, въ газетахъ было напечатано, что въ виду привлеченія Пѣшкова къ дознанію по 1035 ст., выборы признаются недѣйственными, причемъ было точно указано, что это извѣщеніе исходитъ изъ Академіи Наукъ, а такъ какъ я состою почетнымъ академикомъ, то это извѣстіе частью исходило и отъ меня. Я поздравлялъ сердечно, и я же признавалъ выборы недѣйственными—такое противорѣчіе не укладывалось въ моемъ сознаніи примирить съ нимъ свою совесть я не могъ. Знакомство съ 1035 ст. ничего не объяснило мнѣ. И послѣ долгаго размышленія я могъ прійти только къ одному рѣшенію, крайне для меня тяжелому и прискорбному, а именно, просить о сложеніи съ меня званія почетнаго академика.

Чеховъ, обычно стыдливый или холодно-равнодушный къ похваламъ, которыя ему расточали, однажды сказалъ: ужасно люблю читать, что обо мнѣ одесскіе репортеры пишутъ.

Почему такъ?—спросили его. — Смѣшно очень. Все врутъ. Ко мнѣ прошлой весной явился одинъ изъ нихъ въ гостиницу. Провелъ интервью. А у меня какъ разъ времени не было. Я и говорю: извините, я теперь занятъ. Да, въпрямую, какъ на него налетѣлъ свирѣпый помощникъ капитана и не пристойно ругаясь, ударилъ татарина по лицу. Татаринъ бросилъ вещь на палубу, ударилъ себя въ грудь кулакомъ и закричалъ на всю пристань: — Что ты бьешься! Ты думаешь, ты меня ударилъ! Ты вотъ кого ударилъ! — и показалъ пальцемъ на Чехова. — Чеховъ весь блѣдный подошелъ къ помощнику капитана и тихо съ необычайнымъ выраженіемъ сказалъ ему: какъ вамъ не стыдно! Морякъ что-то забормоталъ, заматался и вдругъ испарился. Больше его на палубѣ уже не видѣли.

А однажды Чеховъ съ самымъ серьезнымъ лицомъ сказалъ: что вы думаете—меня вѣдь въ Ялтѣ какой пзвозчикъ знаетъ. Такъ и говорятъ: «А-а, Чеховъ, это который читатель. Знаю». Почему-то называютъ меня читателемъ. Можетъ быть, они думаютъ, что я по койникамъ читаю. Вотъ вы бы батенька,—сказалъ онъ, обращаясь къ А. П. Кузрину,—спросили когда-нибудь пзвозчика, чѣмъ я занимаюсь.

Одинъ «тамбовскій помѣщикъ», какъ окрестилъ его Чеховъ, пріѣхалъ къ нему за врачебной помощью. Тщетно А. П. увѣрялъ, что онъ давно бросилъ практику и остался въ медицинѣ, напрасно рекомендовалъ обратиться къ болѣе опытному доктору,—«тамбовскій помѣщикъ» стоялъ на своемъ: никакимъ докторамъ, кромѣ Чехова, онъ не хочетъ вѣрить. Волей-неволей пришлось дать ему нѣсколько незначительныхъ, совершенно невинныхъ совѣтовъ. Прощаясь, «тамбовскій помѣщикъ» положилъ на столъ два золотыхъ и, какъ его ни уговаривалъ А. П., ни за что не соглашался взять ихъ обратно. Антонъ Павловичъ принужденъ былъ уступить. Онъ сказалъ, что, не желая и не считая себя вправѣ брать эти деньги, какъ гонораръ, онъ возьметъ ихъ на нужды ялтинскаго благотворительнаго общества и тутъ же написалъ расписку въ ихъ полученіи. Оказывается, только того и нужно было «тамбовскому помѣщику». Съ сияющимъ лицомъ онъ бережно спряталъ расписку въ бумажникъ и тогда уже признался, что единственной цѣлью его посѣщенія было желаніе приобрести автографъ Чехова.

Вернувшись какъ-то съ прогулки въ очень веселомъ настроеніи, Антонъ Павловичъ съ оживленіемъ разсказывалъ домашнимъ: у меня была сегодня чудесная встрѣча. На набережной вдругъ подошелъ ко мнѣ офицеръ-артиллеристъ, совсѣмъ молодой еще подпоручикъ. — Вы А. П. Чеховъ? — Да, это я. Что вамъ угодно?

Извините меня за навязчивость, но мнѣ такъ давно хочется пожать вашу руку.

И покраснѣлъ. Такой чудесный малый и лицо милое. Пожали мы другъ другу руки и разошлись.

А. П. Чеховъ былъ чрезвычайно внимательнымъ ко всѣмъ начинающимъ писателямъ. Одинъ такой писатель пріѣхалъ въ Ялту и остановился гдѣ-то за Ауткой, нанявъ комнату въ шумной греческой сомфѣ. Какъ-то онъ пожаловался Чехову, что въ такой обстановкѣ трудно писать, и вотъ Чеховъ настоялъ на томъ, чтобы писатель непременно приходилъ къ нему съ утра и записывался у него внизу, рядомъ со столовой.

— Вы будете внизу писать, а я вверху,—говорилъ онъ со своей очаровательной улыбкой.—И объѣдать будете также у меня. А когда кончите, непременно прочтите мнѣ, или, если уѣдете, пришлите хотя бы въ корректуру.

Начинающимъ беллетристамъ А. П. Чеховъ говорилъ:

— Не бѣда, если у васъ не со всѣмъ выходитъ. Потомъ будетъ выходить лучше. А главное, не тратьте напрасну молодости и упругости.

— Только спаси васъ Богъ,—говорилъ А. П. другимъ,—читать кому-нибудь свои произведенія, пока онъ не напечатанъ. Даже въ корректуру не читайте.

— Бѣдите почтѣе въ третьемъ классѣ,—совѣтовалъ онъ третьимъ.— Я жалю, что болѣзнь мѣшаетъ мнѣ теперь ѣздить въ третьемъ классѣ, тамъ иногда услышите замѣчательныя вещи.

А. П. Чеховъ твердо вѣрилъ въ медицину. Однажды, когда при немъ кто-то началъ третировать медицину по роману Золя «Докторъ Паскаль», Чеховъ сказалъ:

— Золя ничего не понимаетъ и все выдумываетъ у себя въ кабинетѣ. Пусть бы онъ побѣхалъ и посмотрѣлъ, какъ работаютъ наши земскіе врачи и что они дѣлаютъ для народа.

Въ Петербургѣ съ Чеховымъ прощались чрезвычайно омышлой оудчай, о которомъ А. П. много разъ добродушно вспоминалъ:

— Сказали мнѣ, что Полонскій очень хотѣлъ бы со мной познакомиться, и повели меня (кажется,

Лейкинъ или Голикъ) на одинъ изъ его журфиксовъ. Ну, пріѣхали мы, знакомимся. При знакомствѣхъ всегда называютъ фамилію такъ, что ничего не разберешь. Такъ и тутъ: послышалось не то Чижовъ, не то Чеховъ. Полонскій и остальные гости не обратили на меня никакого вниманія и просидѣлъ я молча цѣлый вечеръ въ углу, недоумѣвая, зачѣмъ я понадобился Полонскому, или зачѣмъ нужно было знакомымъ увѣрять меня, что я ему интересенъ. Наконецъ, стали прощаться. Полонскому стало неловко и захотѣлось сказать мнѣ что-нибудь любезное. «Вы,—говоритъ онъ мнѣ,—все-таки меня не забывайте, захаживайте когда-нибудь, вѣдь мы съ вами, кажется, и прежде встрѣчались, вѣдь ваша фамилія Чижиловъ?» — «Нѣтъ, Чеховъ»,—сказалъ я.—«Батюшки, что же вы намъ раньше этого не сказали!»—закричалъ хозяинъ, и даже руками всплеснулъ.

Любопытныя воспоминанія П. Сергѣенко о пребываніи А. П. Чехова въ Одессѣ. «Какъ-то прогуливаясь съ А. П. по Одессѣ,—пишетъ Сергѣенко,—я сказалъ, что около Александровскаго сада есть небольшая кухмистерская, содержащая нѣкоей хохлушкой, Ольгой Ивановной, и что мнѣ приходилось тамъ превкусно ѣсть малороссійскія блюда. Чеховъ остановился.

— И настоящій малороссійскій борщъ у нея бываетъ?—спросилъ онъ.

— Почти всегда.

— Съ бараниной и помидорами?

— Ну, разумеется, со всѣми онегами.

— Ыдемъ къ благодѣтельницѣ, Ольгѣ Ивановнѣ!—воскликнулъ Чеховъ съ оживленіемъ.

За обѣдомъ рѣчь коснулась театра и чеховскихъ пьесъ.

— Въ эти дѣла я попалъ фужеромъ,—сказалъ Чеховъ.—Театръ со всѣмъ не мое дѣло. Я въ немъ ничего не понимаю и терпѣть не могу театральнаго міра.

— Почему же ты написалъ «Иванова» и, говорятъ, еще пишешь какую-то пьесу,—спросилъ Сергѣенко.

— Это вздоръ говорить. А съ «Ивановымъ» у меня вышло такъ. Какъ-то былъ я въ театрѣ Корша, шла новая пьеса. Вычурная, приторная. Ни складу ни ладу. Я и началъ, что называется, разговаривать пьесу. А Коршъ ехидно говоритъ: А вотъ вы, вмѣсто того, чтобы критиковать, лучше вали бы да сами написали пьесу. «Хорошо, и напи-

шу»,—отвѣтилъ я. Такъ и произошло «Ивановъ».

По поводу затѣвшагося празднованія двадцатипятилѣтня литературной дѣятельности Чехова, А. П. говорилъ: — Да и откуда взяли, что мой юбилей въ этомъ году (январь 1904). Все это таганрогцы выдумали, которые хотятъ меня чествовать, какъ знаменитаго согражданина, а пишутъ мнѣ между прочимъ: А. Н. Чехову.

Въ одномъ изъ писемъ, къ недавно скончавшемуся писателю Тихонову, А. П. Чеховъ сообщаетъ свои автобіографическія данныя.

«Вамъ нужна моя біографія. Вотъ она: Родился я въ Таганрогѣ въ 1860 году. Въ 1878 окончилъ курсъ въ Таганрогской гимназіи. Въ 1884 г. окончилъ курсъ въ Московскомъ университетѣ по медицинскому факультету. Въ 1888 г. получилъ пушкінскую премію. Въ 1890 г. совершилъ путешествіе на Сахалинъ и обратно моремъ. Въ 1891 г. совершилъ турне по Европѣ, гдѣ пилъ прекрасное вино и ѣлъ устрицъ. Въ 1892 году гулялъ на именинахъ съ В. А. Тихоновымъ. Писать началъ въ 1879 году въ «Стрекозѣ». Сборники мои суть: «Пестрые разказы», «Въ сумеркахъ», «Хмурые люди» и повѣсть «Дуэль». Грѣшилъ и по драматической части, хотя и умѣренно Переведенъ на всѣ языки, за исключеніемъ иностранныхъ. Впрочемъ, давно уже переведенъ нѣмцами. Чехи и сербы также одобряютъ. И французамъ не чужды взаимности. Такихъ любилъ постигнуть я, будучи 13 лѣтъ. Съ товарищами, какъ врачами, равно и литераторами, пребываю въ отличнѣйшихъ отношеніяхъ. Холостъ. Желалъ бы получить пенсію. Медицинѣ занимаюсь и даже настолько, что, случается, лѣтомъ произвожу судебно-медицинскія вскрытія, конхъ не совершаю уже года 2—3. Изъ писателей предпочитаю Толстого, а изъ врачей—Захарьина. Однако, все это вздоръ. Пишите, что угодно. Если нѣтъ фактовъ, то замѣните ихъ ларикомъ...»

Антонъ Павловичъ, по словамъ его брата, И. П. Чехова, не питалъ никакой привязанности къ врачебной практикѣ. Окончивъ курсъ въ университетѣ, онъ повѣсилъ на дверяхъ вывеску: «Докторъ А. П. Чеховъ» и, повидимому, твердо рѣшилъ быть врачомъ. Но его первые шаги въ этомъ направленіи не были удачны. Практика его началась съ тридцати семи отъ его квартиры,

въ Лефортовѣ, у учителя кадетскаго корпуса, и здѣсь на первыхъ же порахъ А. П. написалъ невѣрный рецензентъ. Возвратившись домой, онъ повѣрилъ себя, убѣдился въ своей ошибкѣ и мучился ужасно. Кончилъ онъ тѣмъ, что въ полночь, на послѣдній день нанялъ у гостиницы «Саратовъ» лихача и помчался спешно въ кадетскій корпусъ, чтобы взять обратно несчастный рецензентъ. Къ его удивленію, въ аптеку еще не посылали.

— Залютую въ грамахъ не тамъ поставилъ,—говорилъ А. П.—Вотъ вышла бы катавасія. Въ другой разъ Антону П-чу пришлось лечить семейство Я. Лежилъ онъ тамъ что-то мѣсяца полтора или даже больше, такъ какъ послѣдовательно тамъ заболѣли три фомъ мать и три взрослыхъ дочери подрядъ. Мать умерла, одна изъ дѣвушекъ тоже умерла, но кончина была слишкомъ трогательна. Она схватила Антона П-ча за руку, да такъ и умерла, держа его руку въ своей. На писателя это произвело такое сильное впечатлѣніе, что вывѣска: «Докторъ А. П. Чеховъ» была снята съ его двери и больше уже на ней не появлялась никогда.

Писатель поэтъ А. Федоровъ разсказываетъ слѣдующій случай изъ жизни Чехова:

Въ февралѣ 1901 года Антонъ Павловичъ былъ въ Одессѣ на возвратномъ пути изъ Флоренціи въ Ялту. Таможенный чиновникъ забралъ его портфель съ письмами. Нѣкоторые изъ полученныхъ имъ писемъ Антонъ Павловичъ, всегда любившій порядокъ, запаковалъ въ конверты. Чиновникъ сталъ разрывать конверты, чтобы убѣдиться въ легальности содержимаго.

Чеховъ возмущался. Еще больше возмущился его сотрудникъ.

— Вѣдь, вы грамотный человѣкъ,—пробовалъ тотъ урезонить чиновника.—Это Чеховъ, Антонъ Павловичъ Чеховъ, писатель. Кажется, можно повѣрить ему. — Не знаю, грамотны ли вы, но я кончалъ университетъ,—съ апломбомъ заявилъ чиновникъ.—Для меня служба выше всякихъ Чеховыхъ. Но, очевидно, чиновникъ этого не понималъ, потому что началъ, по выше этого господина, заявилъ, что эти пакеты останутся неприкосновенны.

— Непремѣнно надо будетъ разсказать напослѣдъ,—сказалъ въ замѣну писатель Чеховъ.

Однажды Чеховъ, съ двумя братьями И. П. и Н. П., пришелъ въ редакцію «Зрителя», гдѣ ихъ съ угостилъ членъ «Хорошо бы членъ лимончлкомъ»,—сказалъ А. П. Чеховъ нѣсколько минутъ Чехову, лимонъ, завернутый въ испанскую мелкимъ почеркомъ бумагу. Развернувъ бумагу, Чеховъ нѣсколько минутъ читалъ внимательно, потомъ, Оказалось, что бумага, въ которую были завернуты лимонъ, была ничья рукописная разсказъ, на диктъ Чеховымъ въ редакцію «Зрителя», и еще изъ нѣкоторыхъ редакціонныхъ сторожъ, промѣна ближайшую ланочку неужели матъ, захватилъ съ нами и писатель Чеховъ.

— Что это вы, мамаша, все про божественное читаете? Почитали бы лучше господина Чехова.

Однажды Чеховъ, съ двумя братьями И. П. и Н. П., пришелъ въ редакцію «Зрителя», гдѣ ихъ съ угостилъ членъ «Хорошо бы членъ лимончлкомъ»,—сказалъ А. П. Чеховъ нѣсколько минутъ Чехову, лимонъ, завернутый въ испанскую мелкимъ почеркомъ бумагу. Развернувъ бумагу, Чеховъ нѣсколько минутъ читалъ внимательно, потомъ, Оказалось, что бумага, въ которую были завернуты лимонъ, была ничья рукописная разсказъ, на диктъ Чеховымъ въ редакцію «Зрителя», и еще изъ нѣкоторыхъ редакціонныхъ сторожъ, промѣна ближайшую ланочку неужели матъ, захватилъ съ нами и писатель Чеховъ.

членіе Антоны Павловичъ.—Они уже это характерная у насъ важность всякаго такого ничтоженія поизмываться надъ безпомощнымъ человекомъ и показать свою власть. А. П. Чеховъ никогда не вачалъ плату за свои статьи и разсы. Сколько давали, столько и брали. По этому поводу А. П. Чеховъ разсказалъ поэту А. Федорову слѣдующую исторію.

Обратился ко мнѣ издатель одного дѣтскаго журнала.

Далъ я ему разсказъ.

Напечатать. Потомъ на оди

юбилей встрѣчаюсь съ нимъ, да у меня было мало, а тутъ всѣ рщуются. Вижу, онъ ко мнѣ съ простертыми объятіями и кони въ рукахъ. Ну же я и обрадовался. Благодарить. Просить и впередъ оставлять его журнала и делить такъ конвертъ прямо въ карманъ мнѣ. Я даже не посмотрѣлъ въ эту минуту. Посаживаю себя. деньгами то на души свѣтло, въ ресторанной залѣ. А пришло ма расплачиваться, а за конвертъ Разрываю—двадцать рублей. А скажи порядочнаго размѣра былъ. Вотъ же я смѣялся. «Будильникъ» мнѣ это напомнило.

— Я было ему отдать хотѣла назадъ эти двадцать рублей, да неловко, обидѣлся бы, пожалуй.

А. П. Чеховъ до конца жизни любилъ читать. Какъ онъ выражалъ про божественное, но заходя въ комнату своей матери, въ геніи Яковлевны и вставая се чтеніемъ четьи-миней, Антонъ Павловичъ шутить:

— Что это вы, мамаша, все про божественное читаете? Почитали бы лучше господина Чехова.

Однажды Чеховъ, съ двумя братьями И. П. и Н. П., пришелъ въ редакцію «Зрителя», гдѣ ихъ съ угостилъ членъ «Хорошо бы членъ лимончлкомъ»,—сказалъ А. П. Чеховъ нѣсколько минутъ Чехову, лимонъ, завернутый въ испанскую мелкимъ почеркомъ бумагу. Развернувъ бумагу, Чеховъ нѣсколько минутъ читалъ внимательно, потомъ, Оказалось, что бумага, въ которую были завернуты лимонъ, была ничья рукописная разсказъ, на диктъ Чеховымъ въ редакцію «Зрителя», и еще изъ нѣкоторыхъ редакціонныхъ сторожъ, промѣна ближайшую ланочку неужели матъ, захватилъ съ нами и писатель Чеховъ.